

0. 782994

На правах рукописи

Малаховская Мария Вячеславовна

**ФОРМЫ И ФУНКЦИИ
ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ
В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА
(1980-1990-е годы)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
филологического факультета РУДН

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент *Голубкова Вера Петровна*

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор *Газизова Амина Абдулаевна*
Московский педагогический государственный университет

кандидат филологических наук, доцент *Селеменова Марина Валерьевна*
Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой

Ведущая организация: Литературный институт им. А.М. Горького

Защита состоится 23 апреля 2010 года в 15:00 часов
на заседании диссертационного совета Д.212.203.23
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6., ауд.436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН

Электронная версия автореферата размещена на сайте РУДН: www.rudn.ru

Автореферат разослан 22 марта 2010 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000726983

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е. Базанова

І. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Виктор Петрович Астафьев – писатель, занимающий одно из ведущих мест в развитии русской литературы второй половины XX века, признанный мастер русской прозы, ее классик. Творчество В.П. Астафьева изучено глубоко и многогранно, с самых его первых шагов в литературе в конце 1950-х годов. Это работы разных лет – А. Макарова, А. Ланщикова, Н. Яновского, В. Курбатова, В. Чалмаева, И. Дедкова, Н. Лейдермана, В. Агеносова, Ю. Ростовцева, П. Басинского, П. Гончарова, И. Золотусского, А. Немзера, Т. Вахитовой, М. Павловца, Г. Нефагиной, М. Дунаева, И. Есаулова, Е. Колобова, дискуссия в журнале «Вопросы литературы» в 1986 году (Е. Старикова, В. Соколов, А. Кучерский). Следует подчеркнуть значение для изучения творчества писателя двух изданий: вышедшего в Красноярске в 1998 году 15-ти томного собрания сочинений, составленного и отрецензированного самим В. Астафьевым, а также однотомника, включающего всю переписку писателя, собранную иркутским издателем Г. Салтоновым, – в 2009 году.

В литературоведении выделены главные проблемы, смысловые центры и особенности прозы писателя – единство автобиографического и общенародного, бесстрашная правдивость и искренность в воссоздании русского национального характера, открытое выражение авторской позиции в повествовании. Определен литературный контекст творчества Астафьева – художественно-публицистическая ветвь русского реализма XX века, вершины которой – творчество А. Солженицына, В. Распутина и самого В. Астафьева.

Актуальность данной работы обусловлена следующими факторами. До сих пор ощутима существенная диспропорция в исследовании творчества писателя: его поздняя проза изучена значительно в меньшей степени, чем ранние произведения и зрелые шедевры. Не получили достаточно полной литературоведческой интерпретации повести и рассказы конца 1990-х и 2000-го годов: «Так хочется жить», «Веселый солдат», «Обертон», «Трофейная пушка», «Жестокое романсы», «Пролетный гусь». «Роман «Прокляты и убиты» продолжает оставаться загадочной вещью», – отмечает в 2009 году П. Басинский¹.

Остро актуальным остается вопрос об оценке этих произведений В.П. Астафьева как в критике, так и непосредственно читателями. В середине 1990-х годов имели место упреки в очернительстве, фактической и психологической недостоверности в изображении писателем Великой отечественной войны. Участники войн, ветераны в большинстве болезненно восприняли роман «Прокляты и убиты» как вызов и оскорбление, словно Астафьев что-то самое значительное и опорное отнял, выдернул ось, на которой стояла их жизнь.

¹ Басинский П. Контуженная муза. О Викторе Астафьеве.
<http://www.rp-net.ru/book/premia/2009/basinskiy.php>

Астафьев, сам прошедший войну, раненый, контуженный, почти 40 лет ждал, чтобы в свои 70 лет сказать эту неподъемную правду о войне, и его книга «выступила столь невозможной к привычному понятию, что общественности оставалось лучше... не слишком заметить ее – либо неубедительно громить как клевету»², – так А.И. Солженицын охарактеризовал ситуацию вокруг романа.

Актуальность изучения поздней прозы Астафьева обусловлена еще и обстоятельствами текущего литературного процесса: художественный опыт писателя явственно отражается в повестях и романах военной темы современных «тридцатилетних» – Захара Прилепина, Германа Садулаева, Максима Амелина, Дениса Гуцко, Сергея Шаргунова. «Сегодня, когда я читаю наших молодых «афганских» и «чеченских» прозаиков, я испытываю абсолютное «дежавю», потому что я уже читал «Прокляты и убиты», – пишет П.Басинский³.

Событием, выветившим современное звучание произведений Астафьева, было присуждение ему премии Александра Солженицына (посмертно) в 2009 году, в 85-ую годовщину со дня рождения. В ее формулировке сказано: премия – «солдату литературы», и в прочитанном на церемонии посвященного Астафьеву эссе из «Литературной коллекции» Солженицына говорится о романе «Прокляты и убиты»: «эта книга – во всяком случае в русской литературе – уникальный случай, когда война описывается не офицером, не политруком, не прикомандированным писателем, – а простым пехотинцем, «черным работником войны», который, воюя, и не думал, что писателем станет. Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы вот такое написать нам спустя полвека!... и это течет у Астафьева не как литературная претензия, но как изболелая память о натуральной жизни»⁴.

Материалом исследования являются произведения В.П. Астафьева 1980-1990-х годов, рассмотренные в их целостности как новый для творчества писателя этап.

Объект изучения – особенности поэтики поздней прозы В.П. Астафьева, эволюция от лирико-философской доминанты в авторской позиции к открытому – яркому и яростному публицистическому пафосу в двух главных для писателя темах этого периода – солдат на войне и его, как говорил Астафьев, «сразу-послевоенные мытарства».

Целью данной работы является анализ взаимодействия публицистического и художественного начал в прозе В.П. Астафьева 1980-1990-х годов, рассмотрение новых форм и функций авторского присутствия в произведениях этого периода.

Задачи исследования:

² Солженицын А.И. Виктор Астафьев. Из «Литературной коллекции». 2005. Опубликовано: «Российская газета» - центральный выпуск №4897 от 27 апреля 2009г.

³ Басинский П. Контуженная муза. О Викторе Астафьеве. URL: <http://www.trnnet.ru/book/premia/2009/basinskiy.php>

⁴ Солженицын А.И. Виктор Астафьев. Из «Литературной коллекции». 2005. Опубликовано: «Российская газета» - центральный выпуск №4897 от 27 апреля 2009г.

⁵ Басинский П. Контуженная муза. О Викторе Астафьеве. URL: <http://www.trnnet.ru/book/premia/2009/basinskiy.php>

1. Сопоставить различные критические и литературоведческие интерпретации поздней прозы писателя.

2. Определить тип художественной целостности и способов ее достижения в произведениях писателя.

3. Дать характеристику новой для творчества В.П. Астафьева роли автора в повести «Печальный детектив», рассказе «Людочка» и романе «Прокляты и убиты»: публицистические монологи, гневные инвективы, «учительная» эстетика, «профетическая» проповедь, уникальный комментарий к роману.

4. Показать жанровое своеобразие романа «Прокляты и убиты».

5. Раскрыть систему образов-символов как философско-метафизического плана изображения действительности: символ сточной канавы, танцплощадки-загона для стада, чертовой ямы, – и символы «сердечного высветления» – хлебное поле, образы песни, россыпь стихотворных строк, амбивалентный образ «веселого солдата», символ креста.

6. Дать анализ художественной системы В.П. Астафьева как комплекса элементов разных поэтик: поэтики натурализма, включения в текст «неприличного», «на самом краю дозволенного» («жесточкий реализм» – Г. Нефагина), поэтики сентиментализма («слезный дар», «натуралистический сентиментализм» – Н. Липовецкий), поэтики и стилистики публицистических жанров и приемов постмодернизма.

Основой для хронологии творчества В. П. Астафьева послужили работы П.А. Гончарова⁵, выделяющего «уральский», «вологодский» и «сибирский» периоды на основе событий биографии писателя и его эталпных произведений.

Научная новизна представленной работы состоит в попытке конкретно – текстуального анализа прозы В.П. Астафьева с точки зрения соотношения художественного и публицистического начал. Прослеживается эволюция и многообразие форм и функций прямых авторских «вхождений» в произведение: от эмоциональных отступлений до высокого пророческого красноречия, от патетических обращений к героям и к русским людям до «ругательной» риторики с лихими «заворотами». Напряжение и мощь авторской индивидуальности рассматриваются как композиционный фактор, образующий художественную цельность произведения, связь публицистического и художественного в творчестве В.П. Астафьева глубоко органична: это сама природа его таланта.

Практическая ценность данной диссертации состоит в том, что ее материалы могут быть включены в курс лекций и спецкурсы по истории новейшей русской литературы. Кроме того, данная работа может быть использована в теоретико-литературных и культурологических исследованиях, посвященных проблемам современного русского литературного процесса.

⁵ Гончаров П. А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов: Монография. - М.: Высшая школа, 2003. С.10.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является целостно-системный подход к изучению литературных произведений. Поэтому в работе используется совокупность исследовательских методов структурно-семиотического анализа, элементы имманентного и интертекстуального анализа, мотивный анализ. Используются работы по теоретической поэтике, особенно по теории авторской позиции в произведении и по эволюции эстетических категорий в современном искусстве: Ю. Лотмана, Ю. Манна, В. Хализева, В.Н. Топорова, А.Ф. Лосева, М. Гаспарова, С. Бочарова.

Апробация. Основные положения диссертации и отдельные проблемы исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, были изложены в докладах на научных межвузовских конференциях в РУДН «Личность в межкультурном пространстве» (2005-2009 г.г). По теме диссертации имеется четыре публикации, две из них в издании, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и новизна темы диссертации, определяются цели и задачи исследования.

В первой главе «Автобиографическая и лирико-философская доминанта в прозе В.П. Астафьева 1980-х годов» исследуются способы и особенности выражения авторской позиции в художественной структуре произведений этого периода.

В разделе 1.1. «Автобиографическое начало в «повести в рассказах» «Последний поклон» и публицистике В. Астафьева» рассматривается сформированная в прозе В. Астафьева к 1980-м годам особая жанровая форма лирического рассказа. В центре повествования – «я» главного героя как субъект речи и сознания, его восприятие и оценки определяют рассказ. Одновременно в рассказе присутствует «я» автора. Это реальный автор – Виктор Петрович Астафьев – тот же герой, но из другого времени, на другом этапе биографии – повзрослевший герой. Функция «я» – автора, помимо указания точного места и времени описываемых событий состоит в завершении рассказа своего рода «итоговой сентенцией»: прямо выражена точка зрения автора, дается моральный урок, обращение ко всем людям, к вечным ценностям бытия – Богу, памяти, любви и вере. Такая художественная структура реализует принципы астафьевского автобиографизма, которым Астафьев будет верен на всем протяжении творческого пути.

«Последний поклон» – это не просто цикл автобиографических рассказов, это своеобразное художественное единство – «повесть в рассказах», создававшееся более

тридцати лет и составившая три книги: 1968, 1978 и 1989 годов. Окончание цикла, две последние главы третьей книги приходится на 1992 год.

Каждая книга имеет свою лирико-философскую акцентировку: праздничную и светло-ностальгическую в первой книге, драматическую с пафосом социальной критики во второй, с оттенками трагедийного в третьей. От книги к книге возрастает роль «итоговых сентенций» – авторской публицистики; последняя глава «Последнего Поклона» «Вечерние раздумья», обличающая хаос современной действительности, завершает эту тенденцию.

В поэтике «Последнего поклона» выделяются особые символические образы, выражающие смысл человеческой жизни в природе. Это образ реки (главы «Ночь тёмная-темная», «Гори-гори ясно»), образ рыбы (главы «Пир после победы», «Где-то гремит война»), образ неба (глава «Пеструха»). Астафьев показывает связанные с природой ощущения радости бытия, благоговение перед всем растущим, цветущим и поющим. Эти образы и темы развиваются не только в «Последнем поклоне», но и в очерковой прозе писателя.

В разделе **1.2. «Эсхатологические мотивы в рассказах и очерках В.П. Астафьева 1980-1990-х годов»** анализируются эсхатологические настроения писателя. Четко определяется мотив смерти как естественный процесс, который является одним из ключевых в его творчестве. Рассказы 1980-х годов показывают, что зло безнаказанно умножается (рассказ «Светопреставление»). Пессимистическое видение мира, картины загубленной природы отличает многие выступления автора (очерк «Вечно живи, речка Виви»).

В разделе **1.3. «Печальный детектив» и «Людочка» как сплав публицистики и беллетристики: диалог автора-повествователя с читателем»** исследуются произведения Астафьева с точки зрения усиления публицистического начала. Роман «Печальный детектив» вызвал накал социальной критики. Специфика романа связана с сочетанием трагического с комическим и тяготеет к жанру пародии. Астафьев создает целый ряд сатирических образов, которые не являются по сути сатирическими персонажами, но в них заложена значительная доля комизма. Жанр романа «Печальный детектив» достаточно точно обозначен самим писателем, хотя точность эта весьма условная. «Печальным» детектив быть не может, так как главная его цель – развлечение читателя. Схватки, задержания, расследования составляют основную часть произведения, таким образом, для автора повестей о природе, детстве, войне такой жанр казался новым. Новая жанровая форма, найденная писателем, помогла ему уйти от сложившихся к тому времени стиливых рамок «деревенской прозы». Новизна произведения поначалу вызывала недоумения и самого автора: «вещь странная, самому мне непонятная, зачем и что я написал – сам не знаю»⁶, – говорил Астафьев. Возможно, причиной его недоумения послужил

⁶ Астафьев В.П., Курбатов В.Я. Крест бесконечный. Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. С. 211.

опутимый в «Печальном детективе» новый для писателя взгляд на русскую душу и русский характер.

В публицистике и в художественной прозе Астафьева ярко выражается взаимодействие разных стилевых начал, возникают новые эстетические качества и расширяется художественное пространство. Это происходит за счет усиления публицистичности и благодаря ее индивидуальной природе – силе астафьевской искренности, подлинности его боли и чувства ответственности за человека и за народ.

Эти тенденции растут и усложняются в рассказе «Людочка» (1987, опубликован в журнале «Новый мир», 1989, №9). Тема зла, «знания о зле» приобретает символическое звучание в организующих повествование дестетизированных образах города: грязная канава с закопанной трубой в городском парке, где течет горячее месиво, в нее бросают шенят, котят, бутылки разных мастей. Это лейтмотив повествования, он возникает в начале и им же завершается фабульная линия рассказа: в поганые воды сточной канавы отчим Людочки после самоубийства героини швыряет насильника, из «зелено-черных, соплями обвешанных зарослей раздался вопль – и не стало больше бандита».

Рассказ «Людочка» во многом впервые в творчестве В. Астафьева открывает еще одну грань авторской позиции писателя и своеобразие его публицистичности. Астафьев не только и не просто изображает и обличает зло, вскрывая негативы современности. Одновременно писатель ощущает некую метафизическую свою вину за судьбу Людочки, за судьбу людей, свою личную ответственность за само существование зла. В.В. Агеносов в своем исследовании прозы В. Астафьева определяет такую писательскую позицию как профетическую (греч. *propheta* – пророк): пророк обличает, неистово критикует, но и страдает за людей, учит людей любить их.⁷

Профетическое направление продолжается в творчестве В. Астафьева: «без «Печального детектива» и «Людочки» не был бы написан роман о войне»⁸, – замечает А. Немзер в своей статье-рецензии 1992 года «Приговор и молитва», посвященной первой книге романа «Прокляты и убиты».

Во второй главе «Общепородное и проповедническое в поэтике романа «Прокляты и убиты» исследуется жанрово-многосоставное произведение, разрушающее все каноны изображения народа на войне.

В разделе 2.1. «Философия войны и новая роль автора – повествователя, виды авторских «вхождений» в повествование» анализируются полярные и противоречивые отзывы на роман, которые говорят о жанровой и стиливой

⁷ Агеносов В.В. Астафьев В.П. // Русская проза XX века. Под ред. Т.М. Коладич. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. С.212.

⁸ Немзер А. Приговор и молитва // Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. С.37.

многосоставности произведения, вбирающего различные повествовательные структуры: документальную хронiku, очерк, лирическую повесть, новеллу.

Авторские размышления перерастают в поучение, выступают как способ выражения позиции писателя в его диалогах с читателем и героями романа. Негативные оценки критиков говорят о разрушении традиционной структуры произведения (Лейдерман, Липовецкий). Критики (Дунаев и Есаулов) считали, что это первый роман о войне, написанный с православных позиций. Обращали внимание, что в романе нет главного героя, что говорит о трансформации авторской позиции, главными действующими силами становится русское воинство и образ автора – проповедника. Для самого писателя в 1990-е годы приближение языка и образов к ораторскому стилю кажется необходимым, обращение к древнерусской традиции оказывается для Астафьева не только способом речевого воздействия на жизненную практику и человека, но и своеобразной формой самозащиты языка русской литературы в эпоху социального и нравственного хаоса. В романе отчетливо различаются важные составляющие: вставные новеллы, развернутые лирико-эмоциональные отступления, резкие публицистические авторские «вхождения» в объективное повествование, причем нередко политизированная риторика сочетается с глубокими философско-этическими проникновениями часто исповедального плана в природу переживаний солдата в экстремальных условиях войны.

Личностное начало в повествовательной структуре романа очень значимо. Авторские отступления разнообразны по тематике и стилю; в них соединяются два пласта: политизированная риторика и глубинные, исповедальные лирико-эмоциональные откровения автора о судьбе страны, народа, мира. Доминирует второй пласт – авторские отступления лирико-эмоционального характера; именно в них обнаруживается «память жанра» – проповеди, поучения, молитвы, плача.

В большинстве авторских отступлений присутствует миротворящее слово, несущее в себе сострадание, любовь и понимание, но авторское исповедальное слово в романе не избегает опасности собственных кризисов – вырождения энергии исповедального чувства в энергию «надрыва». Энергия «надрыва» является доминантой авторских «вхождений» в объективное повествование в первой части романа «Чёртова яма».

В разделе 2.2. **«Структура повествования и художественного пространства в романе «Прокляты и убиты»** рассматривается особенность структуры повествования и художественного пространства в романе «Прокляты и убиты». Автор сам как очевидец описывает места действия. Писатель стремится выразить собственное понимание событий, сострадание к жертвам, поэтому, прерывая повествовательную часть, он напрямую обращается к своим героям. Роман полностью пронизан авторской оценкой, здесь описаны те события, о которых не принято было говорить ранее. Астафьеву важно утвердить новый взгляд на Великую Отечественную войну, показать не солдата-героя, а солдата мученика. Как уже

говорилось выше, в романе нет целостного сюжета, он пронизан авторскими отступлениями, в которых отражаются откровения о судьбе страны, народа и мира. В романе рассматривается не то, что война делает с душой человека, а само явление войны как вселенского зла. Названия двух книг романа – «Чертова яма» и «Плацдарм» – обозначают конкретное место событий, но характеризуют пространство человеческой жизни и «адские места» этого мира, в которые герои попадают.

Сюжетная основа романа – это «конспект» реальной истории войны, хроника событий срединного, переломного периода войны, который, в свою очередь, делится на две половины. Война представлена ноябрем – декабром 1942 года в Сибири и октябрем – ноябрем 1943 года на Украине. О том, где были герои «между 1-й и 2-й книгами» (с начала 1943 по осень 1943) рассказывается в главе «Накануне переправы» во 2-й книге (10, 309-310). Из Сибири герои отправлены в Поволжье (стоят в домах высланных немцев Поволжья).

Художественное пространство в романе предстает как пространство государства, которое разрушает семейные и культурные связи людей. Реальное географическое пространство, место пребывания стрелкового полка под Новосибирском, на реке Оби наделяется значением представлять пространство всей советской России: оно расположено «в глубинке», в середине России (о чем писал И.Есаулов⁹), в толще советского государства. Жители его сгоняются со своей земли, лишаются дома, семьи. Страна погружается в хаос переселений, бессмысленную круговерть, в ад барачных, эшелонных, ссылок.

Географическое пространство второй книги, «Плацдарм», – это Днепр, Украина – чужое пространство, но прародина большинства персонажей-переселенцев. Пространство Сибири противопоставляется Украине как западное и восточное, как северное и южное. В северном пространстве реки холодны и текут с юга на север, но в них не водится нечисть (водяные, гады, змеи), сибирские реки чисты, они кормят человека, а Днепр – теплый, но коварный, таит смерть. Хотя пространство Сибири – это «каторжанская» земля, но эта земля спасла от гибели и закалила. Сибиряки, выросшие на суровой земле, умеют выжить в нечеловеческих условиях: Булдаков хвастается тем, что холодная вода для сибиряка – родная стихия, Шестаков приучился в Сибири есть сырую рыбу, что спасает его на плацдарме; лагерные («волчьи») навыки помогают на плацдарме: Шорохов (он же Зеленцов) умеет убивать, воровать; Булдаков умеет хитрить.

Это объединенное пространство – Россия противопоставлено пространству врага – Германии.

В разделе 2.3. «Система образов и композиция романа «Прокляты и убиты»» проводится анализ образов Коли Рындина, Ашота Васконяна, Алексея Щуса и других героев, особое место уделяется сложнейшей проблеме – государство –

⁹ Есаулов И. Сатанинские звезды и священная война // Новый мир. - 1994. - №4. С.225.

народ: почему получается, что подлинно народные герои романа зачастую оказываются преступниками с точки зрения государства?

В письме к В.Я. Курбатову Астафьев так характеризует проблематику романа «Прокляты и убиты»: «Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть, и человечество между ними».¹⁰ С некоторой иронией и смущением писатель подчеркивает важность философского плана романа.

Дело в том, что к началу 1990-х годов взгляды писателя, его мировидение оказываются ближе всего к христианскому. Это, конечно, не ортодоксальное христианство, Астафьев по-своему, в своих художественных целях осмысляет христианскую этику: он утверждает ответственность человека и справедливость Бога: война, убийство, братоубийство – происходят по воле человека, но одновременно являются возмездием человеку за нарушения им своего высокого предназначения. Поэтому у Астафьева ад – это не то, что грешник получает после смерти, а что-то, что уже на земле ожидает и виновных, и безвинных, что предшествует смерти. Бог может «оставить» человека», людей, страну – так в романе возникают жестокие слова о России XX века как «проклятой стране» (10, 62).

В этой системе идей развивается в романе философия войны: ее главное губительное воздействие – вочию подступившая массовая смерть становится обычным явлением, порождает согласие с ней – знаменитый эпизод с безымянным «серым» солдатом, только что выбежавшим из укрытия с криком: «да убивайте же скорее!...» (10, 719).

Герои романа говорят о смерти как об избавлении от ада. С высоты пережитого под украинским селом Великие Криницы однополчане вспоминают о смерти безвинных братьев Снегиревых: «это ж хорошо, что не попали они на этот бережок, в эту ямину-ров» (10, 612). И сам автор в публицистическом финале второй книги романа интерпретирует гибель врага как проявление последней божественной милости: «Голодные, изнуренные, больные ... будут чужеземцы замерзать тысячами, терять и бросать раненых ... и, наконец, Бог смиляется над ними: загнанные в пустынное, овражное пространство, остатки немецких дивизий подавят гусеницами танков, дотопчут в снегу конницей, расщепают, разнесут в клочья снарядами и минами преследующие их советские войска» (10, 743 - 744).

Астафьев-художник нашёл свой способ написать правдивую историю войны – через перипетии биографий своих героев. Их жизнеописания воспроизводят подлинную логику исторического развития, биографический и исторический планы повествования тесно сближены, и история в романе становится не официальной, а жизненной – «история снизу», «история с корней». Поэтому в романе «Прокляты и убиты» так много биографий – больше чем во всем предыдущем творчестве

¹⁰ Астафьев В.П., Курбатов В.Я. Крест бесконечный. Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. С. 320.

писателя, и каждая высвечивает свою грань в понимании войны.

Астафьев стремится восстановить справедливость, рассказать обо всех истинных победителях в войне, писателем движет обида и гордость за каждого солдата, каждого «проклятого и убитого». «Он отстоял их честь перед историей и памятью, отомстил их обиды, сказал за них всем подлецам праведные слова ненависти, не изменив солдатской прямоте», – говорит В.Я. Курбатов, называя роман В.П. Астафьева «самой мучительной в русской литературе книгой, в которой солдатская отвага видна всего»¹¹.

В разделе 2.4. «Жанровое своеобразие романа «Прокляты и убиты» особое внимание уделяется изучению вопроса о жанровом определении романа В. Астафьева

Современный теоретико-литературный подход, акцентирующий тенденцию к деканонизации литературных жанров и процесс усложнения жанровых категорий, позволяет характеризовать жанровую природу романа «Прокляты и убиты» в специфике её индивидуальной формы. В данном случае концепция «авторского жанра», рассматривающая отдельное произведение как отдельный жанр – метажанр со своими структурообразующими элементами, применима как никогда органично.

В. Астафьев создаёт свое самое сложное произведение на путях необычного по ёмкости жанрового синтеза, совмещая в едином потоке авторской речи документально-хроникальные, романские, религиозно-философские, публицистические начала. Несущей художественной опорой, основой этого синтеза является пафос авторского участия в повествовании. Автор с его мучительной жадной правды – исторической, фактической правды, правды о судьбе народа - по сути проявляется как главный герой произведения. Правда одновременно – и его этика, и поэтика его прозы о войне.

Эта мощная публицистическая структура взаимодействует и с чисто романскими элементами. Цепь историй множества персонажей придаёт повествованию романную стереоскопичность, причем внутри каждой истории есть свои герои, и каждому соответствует отдельная микроистория, пусть даже в два-три абзаца или несколько строк.

Жизнь изображается во всей полноте, конкретности и правде военных и довоенных реалий, и сразу же напрашивается определение – роман-эпопея. Эпическое безусловно составляет одну из граней жанровой структуры романа. Но в «Прокляты и убиты» художественно акцентирована трагическая сторона изображаемого.

Писатель Михаил Кураев в статье 1996 года, сразу после завершения публикации «Плacidарма» в «Новом мире», так определяет трагедийную составляющую романа: «Душу обжигающая книга – нет, не о войне, не о

¹¹ Курбатов В.Я. Слово при вручении Литературной премии Александра Солженицына В.П.Астафьеву (посмертно) 24 апреля 2009// <http://www.tp-net.ru/book/premia/2009/kurbatov.php>

форсировании Днепра, – а обманутом, изнасилованном и преданном народе»¹².

Эпическое и трагическое образуют в романе «Прокляты и Убиты» удивительный по силе воздействия эстетический сплав, сравнимый с библейскими текстами, со стилистикой и образностью Апокалипсиса.

Представляется закономерным следующий вывод. Астафьев создаёт принципиально новую, по сути неповторимо индивидуальную повествовательную структуру с интенсивной жанровой динамикой. Условно её можно определить как особую форму романа с мощно выраженным публицистическим началом. При этом сохраняется авторское определение – роман – и подчеркивается творческая эволюция личностного начала в прозе писателя: от лирико-философской доминанты к многообразию форм и функций публицистичности.

В 1990-е годы постмодернизм становится достаточно сильной художественной интенцией, влияние которой – не контактное влияние, а скорее как неосознаваемую внутреннюю потребность – испытывают все литературные направления и течения. Многие моменты поэтики романа «Прокляты и убиты» совмещают в себе чисто астафьевские, знакомые по всей предшествующей прозе писателя черты с «фирменными» приемами постмодернизма. На этом основано замечание В. Чалмаева о романе «Прокляты и убиты» как переходном от реализма к постмодернизму явлении.¹³

Прежде всего это касается интертекстуальной составляющей романа. Астафьевский интертекст – это народное сознание, выраженное в коллективных массовых жанрах – песня, частушка, прибаутка. Роман даёт достоверную звуковую картину эмоциональной жизни народа в военный период.

Глава третья «Динамика романного и очеркового в повестях В.П. Астафьева 1990-х и 2001-го годов» посвящена последним произведениям писателя.

В.П. Астафьев 17 февраля 1998 пишет М.В. Булгакову и Б.И. Маркову: «Теперь, когда сделаны «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат» – это примерно 28 листов, единый цикл, – надобность в продолжении романа отпала. Всё отпахал и отпел о «своей войне»¹⁴.

В разделе 3.1. «Типические обстоятельства и автопрототипические герои в повестях В.П. Астафьева "Так хочется жить", "Обертон", "Веселый солдат"» анализируется единый цикл из трех повестей тематически и проблемно объединённых изображением послевоенной действительности – сразу – послевоенной, как пишет Астафьев, жизни солдата, и твердым выбором авторской позиции – точка зрения «насажденного» войной народа. В этих повестях варьируется один и тот же хронотоп: возвращение с фронта, госпиталь, дорога домой, вытравливание семейного и трудового

¹² Курьян Михаил. Испытание правдой. <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/1/XX vek1.html>

¹³ Чалмаев В.А. Русская проза 1980-2000 годов на перекрестке мнений споров. Статья вторая // Литература в школе, 2002. - № 5. - С.20-25.

¹⁴ Там же. С. 661.

устройства. Разными гранями представлена одна и та же проблема - государство и народ, теперь в новом плане – судьба солдата – победителя после войны.

Художественная новизна этих повестей определяется прежде всего характером главного героя. Первая повесть «Так хочется жить» имеет посвящение: «Во здравие живых, во славу павших побратимов-окопников». Для Астафьева эпицентром войны и истории является особый народный характер. В «Так хочется жить» это Колька-свист, Николай Иванович Хахалин, «говорун, пересмешник, анекдотист, песельник, ротный запевала, мастер по части чтения, пенья, всяческого сочинения»¹⁵. В повести «Обертон» – Сергей Иннокентьевич Слюсарев – Слесарев, тяжело раненный осколком авиабомбы.

Героем повести «Весёлый солдат», наиболее значительном произведении цикла, является сам автор, Виктор Петрович Астафьев, с заявленной в заглавии амбивалентной характеристикой.

Все герои открыто несут черты автора – биографические, личностно-психологические, даже портретные – особенно точные в описании ранений.

Сквозной автопрототипический образ героя варьируется в конкретно воссозданных типических обстоятельствах войны и послевоенной действительности. Сила творчества В. Астафьева – его органическая народность, мощный демократизм коренится именно в этом естественном слиянии лично-автобиографического с общенародным. История Великой Отечественной войны 1941-45 годов без произведений В.П. Астафьева не может быть полной.

В главном герое всех повестей Астафьев выделяет особенную черту – импульс к творчеству, писательское начало. Астафьев показывает стадии его формирования, что находит отражение в сюжетно-фабульной структуре повестей. В этом смысле повести шире военной темы – в них можно увидеть элементы метаромана, размышления о рождении писателя, о психологии творчества, авторской исповеди.

Повесть «Весёлый солдат» целиком посвящена послевоенной действительности, автор-герой выбирает самые типичные, общезначимые обстоятельства этого времени, на которые указывают названия обеих частей: «Солдат лечится», «Солдат женится». Всё повествование организуется чёткой динамикой романного и очеркового начал, часто употребляется слово «пунктирно»¹⁶ как указание на пропуски и дискретность в сюжетном развитии.

Весёлый солдат – заголовочная метафора повести – приобретает особую наполненность, постепенно «набирает семантику», повторяясь в тексте повести много раз.

Для Астафьева весёлый солдат – это сопротивление обстоятельствам, жизненная сила, готовность защищать справедливость и отвечать за себя. В этой

¹⁵ <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/hochetsya.txt> - с.1,2.

¹⁶ Астафьев В.П. Веселый солдат. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/5/astaf.html. С.7,8,30.

метафоре комическое не доминирует, оно проявляется во взаимодействии с драматизмом жизненных событий. В разделе 3.2. «Женские образы в поздней прозе В.П. Астафьева: "страстотерпицы" и "песнопевицы"» уделяется внимание судьбе и жизни русской женщины – как одной из основных тем всего творчества В.П. Астафьева.

Женщина возвышается писателем как хранительница основ человеческого существования – дома, ссмыи, совести, красоты и самой жизни. В прозе Астафьева сформировался свой, особый подход к созданию женских образов: писатель выделяет такие два типа русских женщин – "страстотерпицы" и "песнопевицы", эти метафоры – одни из самых частотных в астафьевских описаниях своих героинь.

Единство лично-биографического и общенационального, характерное для творчества Астафьева, проявляется и в связи с женскими образами повестей «Так хочется жить», «Обертон» и «Весёлый солдат».

Образ женщины выступает в этих произведениях прежде всего как образ жены. «Жена богоданная, в красноармейскую книжку записанная», «баба-то моя, супруга богоданная»¹⁷ – с благоговением говорит автор-герой «Весёлого солдата». Николай Иванович Хахалин о Женяре: «русская горькая баба, многотерпеливая жена моя богоданная»¹⁸.

Среди астафьевских страстотерпиц особое место занимает героиня рассказа «Пролётный гусь» Марина Солодовникова. Опубликованный в 2001-ом году («Новый мир», 2001, №1), «Пролётный гусь» по теме, проблематике и образной системе примыкает к циклу повестей 1990-х годов, посвященных послевоенной жизни страны.

Марина, типичная астафьевская страстотерпица, оказывается в обстоятельствах, превышающих все степени трагизма. Смерть Аркани, выболевшего до птичьей худобы, смерть Данилы – её «чудушка неразумного», сломленного болью, потерявшего способность жить не оставляет Марине какого-либо выхода. Сцена похорон Данилы Артёмыча Солодовникова – невесёлого русского солдата – предвещает и Маринину судьбу. Марина говорить не могла, глухо мычала и затыгивала на горле концы платка. Только бросила в могилу Данилы подушечку с его фронтовыми наградами – три медали, орден Красной Звезды и медаль за взятие Кёнигсберга, - жест отчаяния и упрёка за Данилу, за себя.

«Песнопевица» – так озаглавлен короткий лирический рассказ В.П. Астафьева, посвящённый его сестре Галине. В творчестве Астафьева слово «песнопевица» своеобразно концептуализировалось, оно обозначает и певческий дар, и судьбу женщины.

Повесть «Обертон» (1996) – её названием стал музыкальный термин – вносит дополнительный оттенок в основную астафьевскую тему 1990-х годов, тему войны.

¹⁷ Астафьев В.П. Веселый солдат. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/5/astaf.html. (с.5,7).

¹⁸ Астафьев В.П. Так хочется жить. <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/hochetsya.txt>. (с.81).

«Обертон», как и все произведения Астафьева – многоперсонажная повесть, представляющая целую галерею женских характеров и судеб. Астафьев прослеживает историю каждой девушки, сообщает, за кого она выходит замуж, где будет жить после войны. Но главная, романная линия повести связана с тремя «песнопевщицами» – Любой, Изабеллой и матерью Любы, певицей Большого театра.

Заключение содержит основные выводы, обобщающие проведенный в диссертации анализ.

В поздней прозе В.П. Астафьева с особенной силой выразились характерные для всего его творчества черты: органическое слияние лично-автобиографического с общенародным, лирико-философского с публицистическим. При этом максимально усилился публицистический накал авторских отступлений, резкость характеристик отдельных персонажей и ситуаций, – Астафьев пишет о войне и послевоенной жизни с бесстрашной откровенностью, яростно и ярко.

В поздней прозе В.П. Астафьева центральное место занимает роман «Прокляты и убиты». Астафьев отвергает эпико-позитивистское изображение войны, даёт онтологическую картину войны как некоего иномирия и надругательства над основами бытия, как экзистенциальный тупик. В романе – «его война», его личный опыт, горечь и ненависть, любовь и сострадание. Для Астафьева важен точный факт и конкретный человек.

«Прокляты и убиты» – самый сложный роман писателя, его поэтика достаточно трудна для теоретико-литературного осмысления. Астафьев создает принципиально новую повествовательную структуру, частично намеченную в «Печальном детективе». Её можно определить как особую форму романа с мощно выраженным публицистическим началом. Феномен художественности возникает на пересечении романских и публицистических жанров, – в соответствии с выбранными писателем организующими центрами. В жанровой динамике романа «Прокляты и убиты» таких центров несколько. Это военно-документальная хроника: вторая книга романа выстроена на основании событий каждого из десяти дней форсирования реки. После глав «Накануне переправы» и «Переправа» следуют главы: «День первый», «День второй», «День третий», – четвертый, пятый, шестой, седьмой и последняя глава – «Все остальные дни».

В рамках романной поэтики воссозданы биографии героев: детство, семейные коллизии и отношения с государством. Философская линия романа связана с твердо установленным как основа и опора жизни религиозным миропониманием, что отражено в поэтике заглавия и эпиграфов.

Все эти линии и центры охвачены и объединены эмоциональным пафосом авторского участия в повествовании. Главная функция автора – сказать правду о войне, об истории, о государстве и народе, автор выступает как страстный глашатай правды. Этическая сила этой позиции подкрепляется обращением к глубинным национальным традициям.

Произведения В.П. Астафьева, опубликованные на протяжении 1995-2001 годов – «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат», «Жестокые романсы», «Пролетный гусь», – воспроизводят обстоятельства жизни солдата после войны: дорога с фронта, поезд, госпиталь, военкомат, семейные и трудовые мытарства. Художественная новизна этих произведений определяется их особой дневниковой природой. Главный герой всех повестей – автопрототипический образ, варьируемый из произведения в произведение: Коляша, Николай Иванович Хахалин, Сергей Иннокентьевич Слюсарев-Слесарев и в «Веселом солдате» – герой, прямо названный Виктор Петрович Астафьев. Герои воспринимаются как своего рода виртуальные двойники автора – то, что в литературоведении обозначается термином протагонист. В. Курбатов справедливо называет эти произведения «последним по времени великим дневником в русской литературе, аккумулирующим время и человека»¹⁹.

Поздняя проза В.П. Астафьева – глубоко содержательное и художественно значимое явление. Писатель выразил одну из ведущих тенденций развития русской прозы конца XX века – поиски новых форм открытого авторского участия в произведении, новых форм и функций публицистики как способа прямой оценки самых сложных сторон народной жизни.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Сидорова (Малаховская) М.В.* «Печальный детектив» в жанровом пространстве романа // Вестник РУДН, Серия Литературоведение. Журналистика. 2008, №1. С.24-32.

2. *Сидорова (Малаховская) М.В.* География литературы. О монографии Гончарова П.А. «Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов». Вестник РУДН, Серия Литературоведение. Журналистика. 2007, №1. С.85-87.

3. *Сидорова (Малаховская) М.В.* «Прокляты и убиты» в контексте литературы о войне // Личность в межкультурном пространстве: Материалы межвузовской конференции. 24-25 ноября 2006 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2007. – С. 135 - 140.

4. *Сидорова (Малаховская) М.В.* Новый апокалипсис. О романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Личность в межкультурном пространстве: Материалы межвузовской конференции. 18-19 августа 2005 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2005. – С. 255-257.

¹⁹ Курбатов В.Я. Неchalный портрет. Время в зеркале одного дневника. – Иркутск: Издатель Салгенов, 2009. С.8.

Малаховская Мария Вячеславовна (Россия)
Формы и функции публицистичности в поздней прозе В.П. Астафьева
(1980-1990-е годы)

Диссертация посвящена изучению поздней прозы В.П. Астафьева как одного из самых значительных явлений в русской литературе XX века. Целью исследования является анализ взаимодействия публицистического и художественного начал в произведениях В.П. Астафьева 1980-1990-х годов, рассмотрение новых форм и функций авторского присутствия на материале романа «Прокляты и убиты» и цикла повестей «Так хочется жить», «Обертон» и «Весёлый солдат».

Malakhovskaya Maria V. (Russia)
Forms and functions of publicistic in the latest prose of V.P. Astafjev
(1980-1990-th years)

The thesis is devoted to the study of the latest prose of V.P. Astafjev as one of the most significant phenomenon in Russian literature of XX-th century. The goal of the research is the analysis of interaction of publicistic and creative basics in Astafjev's works of the 1980-1990-th years, study of the new forms and functions of the author's presence, based on the novel "Damned and murdered" and cycle of novelettes "Desire to live", "Oberton" and "Jolly soldier".

Подписано в печать: 22.03.2010

Заказ № 3425 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

